



**ТЕОДОР
РУЗВЕЛЬТ**

Америка
**ВЫХОДИТ
НА МИРОВУЮ АРЕНУ**

Воспоминания президента

Весь мир

Теодор Рузвельт

**Америка выходит на мировую
арену. Воспоминания президента**

«Алисторус»

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

Рузвельт Т.

Америка выходит на мировую арену. Воспоминания президента /
Т. Рузвельт — «Алисторус», — (Весь мир)

ISBN 978-5-00222-069-4

Трудно в это поверить, но США когда-то даже не помышляли о значительной роли в мировой политике. Им не под силу было тягаться с такими политическими «тяжеловесами», как Великобритания, Франция, Россия, позже – Германия. Всё стало меняться в годы правления Теодора Рузвельта – 26-го президента США в 1901–1909 годах. «Является ли Америка слабаком, чтобы уклониться от работы великих мировых держав? Нет!» – заявил он.

Рузвельт выработал доктрину «большой дубинки», смысл которой пояснил фразой: «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку, и ты далеко пойдешь». Во внутренней политике эта доктрина применялась для ограничения деятельности монополий; во внешней она означала право США вмешиваться в дела соседних государств, если там складывалась угрожающая для Штатов обстановка. Кроме того, первым из американских президентов Теодор Рузвельт употребил выражение «мировой полицейский», считая, что Соединенные Штаты могут взять на себя такую обязанность для поддержания порядка в мире. В ходе войны между Россией и Японией он выступил в роли посредника между этими странами, в результате чего был заключен Портсмутский мир, а Рузвельт получил Нобелевскую премию. В данной книге впервые на русском языке приводятся мемуары Теодора Рузвельта, в которых он рассказывает о своей деятельности. Сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-00222-069-4

© Рузвельт Т.

© Алисторус

Содержание

Семейство Рузвельтов	7
Напряженная жизнь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Теодор Рузвельт (Theodore Roosevelt)
Америка выходит на мировую
арену. Воспоминания президента

© Перевод с английского В. Мзареулова

© ООО «Издательство Родина», 2023

Семейство Рузвельтов

Мой дед по отцу был почти чистым голландцем. В молодости он немного говорил по-голландски, а последний раз голландский язык использовался на службах Нидерландской реформатской церкви в Нью-Йорке, когда он был маленьким мальчиком.

Примерно в 1644 году его предок Клаес Мартенсен ван Рузвельт прибыл в Новый Амстердам в качестве «поселенца» – эвфемистическое название иммигранта, которые прибывали последним «рулевым» классом на парусниках в семнадцатом веке, так же как в веке девятнадцатом люди прибывают рулевым классом на пароходах. С той поры семь поколений мужчин нашей семьи неизменно рождались на свет на острове Манхэттен.

Предки моего отца по отцовской линии происходили из Голландии; за исключением одного по имени Уолдрон, колесного мастера, который был одним из пилигримов, оставшихся в Голландии, когда другие прибыли для основания Массачусетса, и который затем сопровождал голландских искателей приключений в Новый Амстердам.

Мать моего отца была родом из Пенсильвании, куда ее предки прибыли с Уильямом Пенном (некоторые – на одном корабле с ним). Они представляли собой обычный тип иммиграции в то время. Среди них были валлийские и английские квакеры, ирландец – с кельтским именем, но, по-видимому, не квакер, и миролюбивые немцы, которые были среди основателей Джермантауна, будучи изгнаны из своих домов в Рейнской области, когда армии Людовика XIV разорили Пфальц; и, кроме того, представители отнюдь не столь мирного народа – шотландские ирландцы, которые приехали в Пенсильванию немного позже, в начале восемнадцатого века.

Моя бабушка была женщиной исключительной мягкости и силы, краеугольным камнем арки в ее отношениях с мужем и сыновьями. Хотя она сама не была голландкой, именно она научила меня единственным голландским словам, которые я когда-либо знал – детской песенке, первая строка которой гласила: «Grippe troppa tronjes». Я всегда помнил об этом, и когда я был в Восточной Африке, это обнажило узы, связывающие меня с бурскими поселенцами, многие из которых знали эту песенку. Впрочем, я совсем не удивляюсь, что поначалу у них всегда были трудности с пониманием моего произношения. Было интересно встретиться с этими людьми, чьи предки отправились на Кейп примерно в то время, когда мои отправились в Америку два с половиной столетия назад, и обнаружить, что потомки двух потоков эмигрантов все еще напевают своим детям по крайней мере некоторые из старых детских песенок.

О моем прадедушке Рузвельте и его семейной жизни более века назад я мало что знаю, кроме того, что мог почерпнуть из дошедших до меня его книг – «Письмах Джуниуса», биографии Джона Пола Джонса, «Жизни Вашингтона» Маршалла. Они, по-видимому, указывают на то, что его библиотека была менее интересной, чем библиотека прадеда моей жены в то же время, в которую, безусловно, входили такие тома, как оригинальное «Эдинбург ревью», поскольку они теперь есть на наших собственных книжных полках.

Мое самое яркое детское воспоминание о дедушке Рузвельте – это услышанная о нем история. Во времена его детства воскресенье было таким же мрачным днем для маленьких детей-кальвинистов голландского происхождения, как если бы они были пуританами, шотландскими ковенантами или французскими гугенотами – и это я говорю как человек, гордящийся своими голландскими, гугенотскими и ковенантскими предками и гордящийся тем, что в них течет кровь сурового пуританского божества Джонатана Эдвардса.

Однажды летним днем, прослушав необычно длинную голландскую реформатскую проповедь во второй раз за день, мой дедушка, маленький мальчик, прибежав домой до того, как прихожане разошлись, наткнулся на стадо свиней, которые свободно разгуливали по улицам

Нью-Йорка. Он быстро вскочил на большого кабана, который не менее быстро сорвался с места и на полной скорости понес его через гущу возмущенной паствы.

* * *

Кстати, один из дошедших до меня документов Рузвельта иллюстрирует изменения, произошедшие в определенных аспектах общественной жизни со времени, которое пессимисты называют «ранними и лучшими днями Республики». Старый Айзек Рузвельт был членом комитета по аудиту, который вскоре после завершения революции одобрил следующий законопроект:

*Штат Нью-Йорк, Джону Кейпу
Оплата счета за обед, который Его Превосходительство
губернатор и Совет дали их Превосходительствам посланнику Франции
и генералу Вашингтону и Ко.
1783 декабрь*

Обед на 120 персон – 48:0:0
135 бутылок Мадейры – 54:0:0
36 – Порто – 10:16:0
60 – английского пива – 9: 0:0
30 чаш пунша – 9: 0:0
8 обедов Musick 1:12:0
10 —Sarvts 2: 0: 0
60 бокалов вина разбитых – 4:10:0
8 графинов Cutt разбиты – 3: 0: 0
Кофе для 8 джентльменов – 1:12:0
Гонорары за музыку – 8: 0: 0
Фрукты и орехи – 5: 0:0
Итого —156:10:0
Наличными – 100:16:0

МЫ, Комитет Совета, рассмотрев вышеуказанный отчет, подтверждаем, что он (на сумму сто пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов) справедлив.
17 декабря 1783 года.

*АЙЗЕК РУЗВЕЛЬТ
ДЖАС. ДУЭЙН
ЭГБТ. БЕНСОН
ФРЕД ДЖЕЙ*

*Получил вышеуказанное содержание в полном объеме.
Нью-Йорк, 17 декабря 1783 года
ДЖОН КЕЙП.*

Представьте себе губернатора Нью-Йорка, который сейчас выставил бы такой счет за увеселения для французского посла и президента Соединенных Штатов! Взгляды Фальстафа на правильное соотношение между зрелищами и хлебом подтверждаются соотношением между количеством чаш с пуншем и выпитыми бутылками портвейна, мадеры и пива и «кофе для восьми джентльменов» – по-видимому, единственных, кто продержался до этой стадии обеда. Особенно достойна восхищения беспечная манера, с которой, очевидно, в результате распи-

тия упомянутых бутылок вина и чаш с пуншем, было разбито восемь хрустальных графинов и шестьдесят бокалов.

Во время Революции некоторые из моих предков, как северяне так и южане, достойно, но без отличий служили в армии, а другие несли аналогичную службу в Континентальном Конгрессе или в различных местных законодательных органах. К тому времени те, кто жил на Севере, были по большей части торговцами, а на Юге – плантаторами.

Семья моей матери была преимущественно шотландского, но также гугенотского и английского происхождения. Она происходила из Джорджии, куда ее семья приехала из Южной Каролины до революции. Прадед моей матери, Арчибальд Буллок, был первым революционным «президентом» Джорджии. Мой дед, ее отец, проводил зиму в Саванне, а лето – в Розуэлле, на нагорье Джорджии, недалеко от Атланты, и в конце концов сделал Розуэлл своим постоянным домом. Он обычно ездил туда с семьей и домашним скарбом в собственном экипаже, за которым следовал багажный фургон.

Я никогда не видел Розуэлла, пока не стал президентом, но моя мать так много рассказывала мне об этом месте, что, когда я увидел его, мне показалось, что я уже знаю каждый его уголок и как будто его населяют призраки всех мужчин и женщин, которые там жили. Я имею в виду не только свою семью, но и рабов. Моя мать и ее сестра, моя тетя, рассказывали нам, детям, всевозможные истории о рабах. Одна из самых увлекательных касалась очень старого негра по имени Медведь Боб, потому что в первые дни поселения он был частично скальпирован черным медведем. Затем была Мамаша Грейс, которая какое-то время была маминой сиделкой и которую я считал умершей, но которая приветствовала меня, когда я приехал в Розуэлл, очень уважаемая и полная жизни несмотря на возраст.

Двумя главными персонажами драмы, которую нам часто повторяли, были Папаша Люк, негр-надсмотрщик, и его жена, Мамаша Шарлотта. Я никогда не видел ни Люка, ни Шарлотту, но я унаследовал заботу о них, когда умерла моя мать. После окончания Гражданской войны они решительно отказались освободиться или покинуть это место. Единственное, чего они хотели от нас – ежегодная сумма денег для покупки новой «твари», то есть мула. Без особой изобретательности они каждое Рождество сообщали, что очередной мул скончался или, по крайней мере, стал настолько немощным, что потребовался преемник – торжественная выдумка, которая не обманывала и не ставила цель обмануть, просто давала оценку размера рождественского подарка.

Дом моего дедушки по материнской линии находился на линии марша Шермана к морю, и почти все, что из него можно было унести, унесли парни в синем (солдаты армии северян), включая большинство книг в библиотеке. Когда я был президентом, были опубликованы факты о моем происхождении, и бывший солдат армии Шермана прислал мне одну из книг с именем моего деда. Это была небольшая копия стихотворений «Мистера Грея» – издание восемнадцатого века, напечатанное в Глазго.

* * *

Я родился 27 октября 1858 года в доме № 28 по Двадцатой Восточной улице в Нью-Йорке. В этом доме две мои сестры, брат и я провели детство. Он был обставлен в каноническом стиле Нью-Йорка, который Джордж Уильям Кертис описал в «Бумагах Потифара». Черная плетеная мебель в столовой царапала голые ноги детей, когда они садились на нее. Средняя комната, без единого окна, представляла собой библиотеку с мрачно уважаемыми столами, стульями и книжными шкафами. Передняя комната, гостиная, казалась нам, детям, роскошной, но была открыта для общего пользования только по воскресеньям вечером или в редких случаях, когда устраивались вечеринки. Воскресный семейный сбор вечером был отдушиной, в который мы,

дети, однако не получали удовольствия – главным образом потому, что всех нас заставляли носить чистую одежду и следить за опрятностью.

Как сейчас помню убранство той гостиной, в том числе газовую люстру, украшенную множеством граненых призм. Эти призмы поразили меня своим особым великолепием. Однажды одна из них отвалилась, и я поспешно схватил ее и спрятал, проведя несколько дней в тайном восхищении сокровищем, восхищении, всегда смешанном со страхом, что меня обнаружат и обвинят в воровстве.

Тут была швейцарская резьба по дереву, изображавшая очень большого охотника на склоне чрезвычайно маленькой горы, и стадо серн, непропорционально маленьких для охотника и больших для горы, прямо за хребтом. Это всегда очаровывало нас, но мы ужасно переживали за маленького козленка серны, опасаясь, что охотник может напасть на него и убить.

Там также был русский мужик на позолоченных санях, изображенный на куске малахита. Я слышал, что малахит был ценным камнем и долгое время я считал, что он был ценен как алмаз. Я воспринял этого мужика как бесценное произведение искусства, и только когда я был уже в зрелом возрасте, понял, что я ошибался.

Время от времени нас, детей, водили в дом нашего дедушки. Для Нью-Йорка тех дней это был большой дом. Он находился на углу Четырнадцатой улицы и Бродвея, фасад выходил на Юнион-сквер. Внутри был большой холл, поднимающийся до самой крыши, пол был выложен мозаикой из черно-белого мрамора, а по бокам холла шла винтовая лестница, ведущая с верхнего этажа вниз. Мы, дети, очень восхищались и тем и другим. Я думаю, что мы были правы насчет великолепия лестницы, а вот насчет мозаичного пола – уже не очень.

Лето мы проводили в пригороде, то в одном месте, то в другом. Мы, конечно, любили пригород больше всего на свете. Нам не нравился город. Мы всегда безумно хотели попасть в деревню, когда наступала весна, и очень огорчались, когда поздней осенью семья возвращалась в город. В деревне у нас были всевозможные домашние животные – кошки, собаки, кролики, енот и гнедой шотландский пони по кличке генерал Грант. Когда моя младшая сестра впервые услышала о настоящем генерале Гранте она была поражена тем, что кто-то назвал генерала в честь пони. (Тридцать лет спустя у моих собственных детей появился свой пони Грант.)

В деревне мы, дети, большую часть времени бегали босиком, и сезоны проходили в круговороте непрерывных и увлекательных удовольствий – наблюдение за сенокосом и сбором урожая, сбор яблок, успешная охота на лягушек и неудачная охота на сурков, сбор орехов гикори и каштанов для продажи терпеливым родителям, строительство вигвамов в лесу, и иногда игра индейцев в слишком реалистичной манере, пачкая себя (и, кстати, свою одежду) вишневым соком.

День Благодарения был признанным праздником, но назвать праздником Рождества – значит ничего не сказать. Рождество было поводом для безумной радости. Вечером мы развешивали наши чулки – или, скорее, самые большие чулки, которые смогли одолжить у взрослых, – и перед рассветом толпой шли открывать, усевшись на кровать родителей. Я никогда не знал, что у кого-то еще есть то, что мне казалось таким привлекательным Рождеством, и поколение спустя я попытался воспроизвести его в точности для своих собственных детей.

* * *

Мой отец, Теодор Рузвельт, был лучшим человеком, которого я когда-либо знал. Он сочетал силу и мужество с мягкостью, нежностью и бескорытием. Он не потерпел бы в нас детского эгоизма или жестокости, праздности, трусости или лжи. Когда мы стали старше, он дал нам понять, что для мальчиков требовался тот же уровень чистой жизни, что и для девочек; что то, что неправильно в женщине, не может быть правильным в мужчине.

С большой любовью и терпением, с самым понимающим сочувствием и вниманием он сочетал настойчивость в дисциплине. Он никогда не наказывал меня физически, кроме одного раза, но он был единственным человеком, которого я когда-либо действительно боялся. При этом он был абсолютно справедлив, и мы, дети, обожали его.

Мы обычно ждали в библиотеке по вечерам, пока не услышали, как его ключ поворачивается в замке в прихожей, а затем выбегали, чтобы поприветствовать его. Мы толпились в его комнате, с нетерпением изучая все новинки, которые он вынимал из своих карманов.

Каждый ребенок запечатлел в своей памяти различные детали, которые кажутся ему чрезвычайно важными. Мы, дети, всегда называли «сокровищами» безделушки, которые отец хранил в маленькой коробочке на своем туалетном столике. По случаю торжественного праздника каждый ребенок получал безделушку для «самого себя».

Карательный инцидент, о котором я упоминал, произошел, когда мне было четыре года. Я укусил за руку свою старшую сестру. Я не помню, как укусил ее за руку, но я помню, как выбежал во двор, прекрасно сознавая, что совершил преступление. Со двора я пошел на кухню, взял у повара немного теста и заполз под кухонный стол.

Через минуту или две со двора вошел мой отец и спросил, где я. Добросердечная ирландская кухарка испытывала характерное презрение к «информаторам», но, хотя она не сказала ни слова, она нашла компромисс между информированием и своей совестью, бросив взгляд под стол. Мой отец немедленно опустился на четвереньки и бросился ко мне. Я слабо швырнул в него тестом и, имея перед ним преимущество, потому что мог стоять под столом, начал подниматься по лестнице, но был пойман на полпути. Последовавшее наказание соответствовало преступлению, и я надеюсь – и верю – что оно пошло мне на пользу.

Я никогда не знал никого, кто получал бы от жизни больше радости, чем мой отец, или кого-либо, кто с большей искренностью выполнял бы каждую свою обязанность. Они с матерью всегда проявляли гостеприимство, которое в то время чаще ассоциировалось с семьями южан, чем северян; и, особенно в последние годы, когда они переехали в город, в район Центрального парка, где держали очаровательный, открытый дом.

Моя мать, Марта Буллок, была милой, любезной, красивой женщиной с Юга, восхитительной собеседницей и всеобщей любимицей. Ее мать, моя бабушка, одна из самых милых пожилых леди, жила с нами и была чрезмерно снисходительна к нам, детям, будучи совершенно неспособной ожесточить свое сердце по отношению к нам, даже когда этого требовали обстоятельства.

К концу Гражданской войны, хотя я был очень маленьким мальчиком, я уже начал понимать, что семья не была единодушна во взглядах на этот конфликт. Отец был убежденным республиканцем Линкольна и однажды, когда мне показалось, что мать была чересчур строга, я попытался частично отомстить, во время вечерней молитвы громко и горячо помолившись за успех Армии Союза. Мать была наделена чувством юмора, и ее это слишком забавляло, чтобы наказывать меня, но она посоветовала не повторять преступление под страхом того, что сообщит отцу – он бы назначил серьезное наказание.

Мой дядя Джимми Буллок был снисходителен и справедлив в отношении вооруженных сил Союза и мог обсуждать все этапы Гражданской войны со всей справедливостью и великодушием. Но в английской политике он быстро стал бы тори самой ультраконсервативной школы. Линкольном и Грантом он мог восхищаться, но он не стал бы слушать ничего в пользу мистера Гладстона. Единственными случаями, когда я когда-либо поколебал его веру в меня, были те, когда я осмеливался смиренно предположить, что некоторые из явно нелепых ложных утверждений о мистере Гладстоне не могли быть правдой.

Мой дядя был одним из лучших людей, которых я когда-либо знал, и когда у меня иногда возникало искушение задаться вопросом, как хорошие люди могут верить в несправедливые и невозможные слухи обо мне, в которые они верят, я утешал себя, думая о совершенно

искренней убежденности дяди Джимми Буллока в том, что Гладстон был человеком совершенно исключительной и невообразимой подлости как в общественной, так и в личной жизни.

* * *

Я был болезненным, хрупким мальчиком, сильно страдал от астмы, и меня часто приходилось брать с собой в поездки, чтобы найти место, где я мог дышать. Одно из моих воспоминаний о том, как мой отец ходил взад и вперед по комнате со мной на руках ночью, когда я был совсем маленьким, и о том, как я сидел в постели, задыхаясь, а мои отец и мать пытались мне помочь.

Я очень мало ходил в школу. Я никогда не ходил в общественные школы, как это позже сделали мои собственные дети. В течение нескольких месяцев я посещал школу профессора Макмаллена на Двдцатой улице, недалеко от дома, где я родился, но большую часть времени у меня были домашние преподаватели. Как я уже говорил, когда я был маленьким, меня учила тетя. Одно время у нас в доме была гувернантка-француженка, любимая и ценимая «мамзель».

Когда мне было десять лет, я совершил свое первое путешествие в Европу. Мой день рождения прошел в Кельне, и, чтобы создать у меня ощущение «вечеринки», я помню, что моя мама надела парадное платье на ужин.

Я не думаю, что я что-то получил от этой поездки за границу: я искренне ненавидел ее, как и мои младшие брат и сестра. Практически все удовольствие, которое мы получали, заключалось в исследовании руин или гор, когда мы могли уйти от взрослых, и в играх в разных отелях. Нашим единственным желанием было вернуться в Америку, и мы относились к Европе с самым невежественным шовинизмом и презрением. Однако четыре года спустя я совершил еще одно путешествие в Европу и был достаточно взрослым, чтобы полностью насладиться им и извлечь из него пользу.

Еще маленьким мальчиком я начал интересоваться естественной историей. Я отчетливо помню первый день, когда я начал свою карьеру зоолога. Я шел по Бродвею и, проходя мимо рынка, куда меня иногда посылали перед завтраком за клубникой, вдруг увидел мертвого морского котика, лежащего на деревянной доске. Я спросил, где он был убит – как оказалось, это случилось в гавани. Я уже начал читать некоторые книги Майн Рида и другие приключенческие книги для мальчиков, и я почувствовал, что котик нарисовал передо мной картину подобных приключений.

Пока он оставался там, я день за днем бродил по окрестностям рынка. Я измерил его, и я помню, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы определить его обхват с помощью складной карманной линейки, что было непростым делом. Я тщательно записал совершенно бесполезные измерения и сразу же начал писать собственную естественную историю, взяв за точку опоры этого мертвого морского котика. Эта и последующие естественные истории были записаны в чистых тетрадах примитивно и ненаучно.

У меня были смутные стремления так или иначе завладеть котиком, но дальше мечты они так и не пошли. Однако, я заполучил его череп, и мы с двумя кузенами быстро основали амбициозный «Музей естественной истории Рузвельтов». Сначала коллекции хранились в моей комнате, пока бунт со стороны горничной не получил одобрения высших органов домашнего хозяйства, и коллекция была перемещена в книжный шкаф в задней прихожей наверху. Это была коллекция диковинок обычного маленького мальчика, совершенно неуместная и совершенно бесполезная, кроме как с точки зрения самого мальчика. Мои отец и мать горячо поощряли меня в этом, как они всегда делали во всем, что могло доставить мне полезное удовольствие или помочь развиваться.

Приключения котика и романы Майн Рида вместе усилили мой инстинктивный интерес к естественной истории. Я был слишком молод, чтобы понять многое из Майн Рида, за

исключением приключенческой части и части естественной истории – они увлекли меня. Но, конечно, мое чтение не ограничивалось только естественной историей. Родители предприняли очень мало усилий, чтобы заставить меня читать – у них хватило здравого смысла не пытаться заставить меня читать то, что мне не нравилось, если только это не требовалось по учебе. Они предлагали книги, которые, по их мнению, мне следует прочесть, но, если они мне не нравились, мне давали что-нибудь другое. Были определенные книги, на которые было наложено табу. Например, мне не разрешали читать дешевые романы. Я добрался до нескольких таких романов тайком, но вряд ли удовольствие компенсировало чувство вины.

* * *

Я полагаю, что у каждого есть свои недостатки, и у меня были книги, которые мне должны были понравиться, но не понравились. Например, мне никогда не нравилась первая часть «Робинзона Крузо» (и хотя это, несомненно, лучшая часть, она мне и сейчас не нравится); в то время как вторая часть о приключениях Робинзона Крузо с волками в Пиренеях и на Дальнем Востоке меня просто очаровала.

Что мне понравилось в первой части, так это приключения Крузо до того, как он наконец добрался до своего острова, битва с Салли Ровером и намек на странных зверей, которые ночью совершают невероятные купания в океане. Мне не понравилась «Швейцарская семья Робинзонов» из-за совершенно невероятной коллекции животных, встреченных этой достойной семьей, когда они шли вглубь острова от места крушения.

Даже в поэзии меня больше всего привлекали приключения. В довольно раннем возрасте я начал читать некоторые сборники стихов, в частности поэму Лонгфелло «Сага о короле Олафе», которая поглотила меня. Это познакомило меня со скандинавской литературой, и я никогда не терял к ней интереса и привязанности.



Теодор Рузвельт в детстве.

Теодор Рузвельт родился 27 октября 1858 года в Нью-Йорке. Он был болезненным ребенком: с ранних лет у него обнаружилась сильная близорукость, кроме этого, он страдал от астмы и был физически слаб. Однако его отец Теодор Рузвельт-старший прикладывал массу усилий, чтобы сын вырос сильным и мужественным. Дом оборудовали гимнастическими снарядами для ежедневных тренировок, а когда мальчик подрос, то стал еще заниматься боксом. Помимо этого, Теодора увлек пеший туризм, он преодолевал огромные расстояния, причем, при любой погоде.

Среди моих первых книг был том безнадежно ненаучного Майн Рида о млекопитающих, иллюстрированный картинками, не более художественными, чем картинки из типичной

школьной географии, но не менее захватывающими. Когда мой отец обнаружил, насколько глубоко я заинтересовался этим не очень точным томом, он дал мне небольшую книгу Дж. Г. Вуда, английского автора популярных книг по естественной истории, а затем большую его книгу под названием «Дома без рук». Я внимательно изучал их, а в будущем они дошли и до моих детей.

С «Домом без рук», кстати, связан мой педагогический провал. В соответствии с тем, что я считал своего рода современной теорией о том, как сделать образование интересным и не превращать его в задачу, я попытался научить моего старшего сына одной или двум его буквам с титульного листа. Поскольку буква «эйч» появлялась в английском названии чаще всего, я выбрал ее для начала, стремясь заинтересовать маленького мальчика, не дать ему понять, что он усваивает урок, и убедить его, что он просто хорошо проводил время. Я не знаю, была ли это теория или мой метод ее применения ошибочным, но я, безусловно, полностью искоренил в его мозгу любую способность запоминать букву «эйч»; и еще долго после того, как он выучил все остальные буквы алфавита старомодным способом, он доказал, что ни при каких обстоятельствах не может вспомнить эту злосчастную «эйч».

Сам того не подозревая, я, будучи мальчиком, находился в безнадежно невыгодном положении при изучении природы. Я был очень близорук, так что единственное, что я мог изучать, это то, обо что я спотыкался. Когда мне было лет тринадцать, мне разрешили брать уроки таксидермии у мистера Белла, высокого, чисто выбритого, седовласого пожилого джентльмена, прямого, как индеец. У него был маленький заплесневелый магазинчик, чем-то напоминающий магазинчик мистера Венуса в «Нашем общем друге», в котором он проделал очень ценную работу для науки.

Это «профессиональное обучение», как, я полагаю, назвали бы его современные педагоги, подстегнуло и направило мой интерес к сбору образцов для выращивания и сохранения. Этим летом я получил свое первое ружье, и я был озадачен, обнаружив, что мои товарищи, в отличие от меня, казалось, видели во что нужно стрелять. Однажды они прочитали вслух объявление, написанное огромными буквами на отдаленном рекламном щите, и тогда я понял, что что-то не так, потому что я не только не мог прочесть вывеску, но даже не мог разглядеть буквы. Я рассказал об этом своему отцу, и вскоре после этого получил свои первые очки, которые буквально открыли для меня совершенно новый мир. Я понятия не имел, насколько прекрасен мир, пока не получил эти очки.

Я был неуклюж, и, хотя большая часть моей неуклюжести и неловкости, несомненно, была обусловлена общими особенностями, в значительной степени это было связано с моей близорукостью и тем, что я даже не понимал, что можно видеть лучше. Воспоминание об этом опыте вызывает у меня глубокое сочувствие к тем, кто пытается в наших государственных школах и в других местах устранить физические причины неполноценности у детей, которых часто несправедливо обвиняют в упрямстве, недальновидности или тупости.

Тем же летом я также приобрел несколько новых книг о млекопитающих и птицах, включая, например, публикации Спенсера Бэрда, и усердно изучал эту тему. Я не добился больших успехов в занятиях на свежем воздухе, потому что я не получал очки до поздней осени, незадолго до того, как я отправился с остальными членами семьи во вторую поездку в Европу.

Мы жили в Доббс-Ферри, на Гудзоне. Мое ружье было двуствольным, французского производства. Это было отличное оружие для такого неуклюжего и часто рассеянного мальчика. Оно разбиралось без помощи пружины, и, если механизм заржавел, его можно было открыть без серьезных повреждений. Когда патроны застревали, их можно было извлечь таким же образом. Однако, если они были заряжены, результат не всегда был счастливым, и я не раз татуировал себя несгоревшими крупинками пороха.

* * *

Когда мне было четырнадцать лет, зимой с 1872 на 1873 год, я посетил Европу во второй раз, и эта поездка стала действительно полезной частью моего образования. Мы ездили в Египет, путешествовали вверх по Нилу, путешествовали по Святой Земле и части Сирии, посетили Грецию и Константинополь; а затем мы, дети, провели лето в немецкой семье в Дрездене.

Моя первая настоящая коллекция в качестве студента естественной истории была собрана в Египте во время этого путешествия. К тому времени я уже хорошо разбирался в жизни американских птиц с поверхностной научной точки зрения. Я ничего не знал об орнитологии Египта, но я взял в Каире книгу английского священника, чье имя я сейчас забыл, который описал путешествие вверх по Нилу, и в приложении к его книге дал отчет о своей коллекции птиц. Хотел бы я сейчас вспомнить имя автора, потому что я очень многим обязан этой книге. Без него я бы собирал в полной темноте, тогда как с его помощью я обычно мог узнать, что это за птицы. Мои первые познания в латыни были получены при изучении научных названий птиц и млекопитающих, которые я собирал и классифицировал с помощью таких книг, как эта.

Птицы, которых я добывал вверх по Нилу и в Палестине, представляли собой обычную мальчишескую коллекцию. Несколько лет спустя я передал их вместе с другими собранными мной орнитологическими образцами Смитсоновскому институту в Вашингтоне и Американскому музею естественной истории в Нью-Йорке. Мне сказали, что шкуры еще можно найти в обоих этих местах и в других общественных коллекциях. Я сомневаюсь, что на них есть мои оригинальные этикетки.

Это соби́рание птиц было главной изюминкой моего путешествия по Нилу. Я был достаточно взрослым и читал достаточно, чтобы наслаждаться храмами, пейзажами пустыни и общим чувством романтики; но со временем это надоело бы, если бы у меня не было серьезной работы по сбору и подготовке моих образцов.

Несомненно, это создавало некоторые сложности для моей семьи, особенно в один такой случай, когда благонамеренная служанка извлекла из моего костюма старую зубную щетку, с помощью которой я наносил на шкуры мышьяковистое мыло, необходимое для их сохранения, частично вымыла ее и оставила вместе с остальным набором для моего личного пользования. Я полагаю, что все растущие мальчишки, как правило, неряшливы; но маленький мальчик-орнитолог, или даже мальчик со вкусом к естественной истории любого рода, как правило, самый грязный из всех.

Дополнительным элементом в моем случае был тот факт, что во время пребывания в Египте я внезапно начал расти. Поскольку выше по Нилу не было портных, когда я вернулся в Каир, мне понадобился новый наряд.

Когда мы добрались до Дрездена, нас, младших детей, оставили на лето в доме герра Минквица, члена то ли муниципального, то ли саксонского правительства – я забыл, какого именно. Мы надеялись, что таким образом мы приобретем некоторые знания немецкого языка и литературы.

Они были самой доброй семьей, какую только можно себе представить. Я никогда не забуду неутомимое терпение двух дочерей. Отец и мать, а также застенчивый, худой двоюродный брат-студент, живший в квартире, были не менее добры. Выезжая за город, я усердно собирал образцы и оживлял дом ежами и другими мелкими животными и рептилиями, которые упорно пытались выбраться из частично закрытых ящиков бюро.

Двое сыновей были очаровательными студентами Лейпцигского университета, оба принадлежали к дуэльному корпусу и, как следствие, их лица были украшены шрамами. Одного из них, знаменитого фехтовальщика, звали Дер Роте Херцог (Красный герцог), а другого при

каждом удобном случае звали герр Назехорн (Сэр Носорог), поскольку кончик его носа был отрезан на дуэли и пришит снова.

Я выучил здесь много немецкого, помимо своей воли, и, прежде всего, я был очарован Нибелунгами. Немецкая проза никогда не давалась мне по-настоящему легко в том смысле, в каком давалась французская, но немецкая поэзия волновала меня не меньше, чем английская.

С того времени и по сей день было бы совершенно невозможно заставить меня почувствовать, что немцы на самом деле иностранцы. Привязанность, *Gemuthlichkeit* (качество, которое не может быть точно передано ни одним английским словом), способность к тяжелой работе, чувство долга, восторг от изучения литературы и науки, гордость за новую Германию, более чем добрый и дружеский интерес к трем странным детям – все это проявления немецкого характера и немецкой семейной жизни произвели на меня подсознательное впечатление, которое я ни в малейшей степени не определил в то время, но которое все еще очень живо сорок лет спустя.

Напряженная жизнь

Когда я вернулся в Америку в возрасте пятнадцати лет, я начал серьезно учиться, чтобы поступить в Гарвард под руководством мистера Артура Катлера, который позже основал школу Катлера в Нью-Йорке. Я не мог ходить в школу, потому что по некоторым предметам знал намного меньше, чем большинство мальчиков моего возраста, а по другим – намного больше. В естественных науках, истории и географии, а также в неожиданных частях немецкого и французского языков я был силен, но прискорбно слаб в латыни, греческом и математике.

Мой дед построил свой летний дом в Ойстер-Бей за несколько лет до этого, и теперь отец сделал Ойстер-Бей летним домом для своей семьи. Параллельно с подготовкой к поступлению в колледж я занимался практической изучением естественной истории. Я работал с большим усердием, чем с умом или успехом, и сделал очень мало дополнений к сумме человеческих знаний; но и по сей день можно найти некоторые малоизвестные орнитологические публикации, в которых записаны такие вещи, как, например, то, что в одном случае рыба-ворона, а в другом ипсвичский воробей, были получены неким Теодором Рузвельтом-младшим. в Ойстер-Бей, на берегу пролива Лонг-Айленд.

Осенью 1876 года я поступил в Гарвард, который окончил в 1880 году. Мне очень понравился колледж, и я уверен, что он пошел мне на пользу, но только в общем плане, потому что в моей реальной учебе было очень мало того, что помогло мне в дальнейшей жизни. Моя неспособность, возможно, была частично вызвана тем, что я не проявлял интереса к предметам.

Перед тем, как покинуть Гарвард, я уже написал одну или две главы книги, которую впоследствии опубликовал, о морской войне 1812 года. Эти главы были настолько сухими, что по сравнению с ними словарь показался бы легким чтением.

Я был недостаточно развит, чтобы заставить себя проявлять разумный интерес к некоторым предметам, которые мне поручали – например, к характеру Гракхов. Очень умный и прилежный парень, без сомнения, сделал бы это, но лично я дорос до этого конкретного предмета только много лет спустя. Действия фрегатов и шлюпов между американскими и британскими морскими тиграми 1812 года были гораздо более доступны моему пониманию. Я уныло работал над Гракхами, но лишь потому, что должен был; мой добросовестный профессор с достойным лучшим применением упорством тащил меня по теме изо всех сил, но я был на редкость идеоталкивающим.

В то время у меня и в мыслях не было заниматься общественной деятельностью, я никогда не изучал ораторское искусство и не практиковался в дебатах. Лично я не испытываю ни малейшей симпатии к дискуссионным состязаниям, в которых каждой стороне произвольно присваивается определенное предложение и приказывается поддерживать его без малейшей ссылки на то, верят ли те, кто его поддерживает, в него или нет.

Я знаю, что при нашей системе это необходимо для юристов, но я решительно не верю в это в отношении общего обсуждения политических, социальных и экономических вопросов. Что нам нужно, так это выпустить из наших колледжей молодых людей с горячими убеждениями в правоте своей стороны, а не молодых людей, которые могут привести веские аргументы в пользу того, что правильно или неправильно, в зависимости от их интересов.

Нынешний метод ведения дебатов на такие темы, как «Наша колониальная политика», или «Необходимость военно-морского флота», или «Надлежащая позиция судов в конституционных вопросах», поощряет именно неправильное отношение среди тех, кто принимает в них участие. Нет никаких усилий, чтобы привить искренность и силу убеждения. Напротив, конечный результат состоит в том, чтобы заставить соперников почувствовать, что их убеждения не имеют ничего общего с их аргументами.

Мне жаль, что я не изучал ораторское искусство в колледже; но я чрезвычайно рад, что не принимал участия в дебатах того типа, в которых акцент делается не на том, чтобы заставить оратора правильно мыслить, а на том, чтобы заставить его бойко говорить в пользу своей стороны без оглядки на убеждения.

* * *

Я был достаточно хорошим учеником в колледже – насколько я помню, чуть ли не в десяти процентах лучших в своем классе, хотя не уверен, означает ли это десять процентов от общего числа поступивших или только тех, кто закончил.

Мои главные интересы были научными. Когда я поступил в колледж, я был увлечен естественной историей на открытом воздухе, и мои амбиции влекли меня стать ученым. Мой отец с самых ранних дней внушал мне, что я должен работать и прокладывать свой собственный путь в мире, и я всегда предполагал, что это означает, что я должен заняться бизнесом. Но на первом курсе (он умер, когда я был второкурсником) он сказал мне, что если я хочу стать ученым, я могу это сделать. Он объяснил, что я должен быть уверен, что я действительно очень хочу заниматься научной работой, потому что, если я займусь этим, я должен сделать серьезную карьеру, что он заработал достаточно денег, чтобы позволить мне сделать такую карьеру, но я не должен мечтать о том, чтобы заниматься этим как дилетант.

Он также дал мне совет, который я всегда помнил, а именно: если я не собираюсь зарабатывать деньги, я не должен их и транжирить. Как он выразился, я должен был поддерживать постоянную дробь, и если я не смог увеличить числитель, тогда я должен уменьшить знаменатель. Другими словами, если бы я занялся научной карьерой, я должен определенно отказаться от всех мыслей об удовольствиях, которые могут сопровождать карьеру зарабатывания денег, и должен найти свои удовольствия в другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.